

Дмитриева (Салазникова) Светлана Сергеевна

**ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ
ОСЕНЬЮ 1918 Г.**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/4/2.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (47). С. 12-16. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

космического становления, когда рушатся старые нормы и формы, тогда появляются новые способы выражения как в «Цирке дю Солей» или в моменты порождения форм потрясения.

Именно в моменты кризиса классического цирка появляются шедевры, основанные на принципах карнавала и, создаются в канадском «Цирке дю Солей» и в «Лебедином озере» китайского цирка. Бахтин называл карнавальное мироощущение «формой критического сознания» [1, с. 524]. Как у парных клоунов Белого и Рыжего: один источает слезы и «умирает», другой - смеется, возрождается и торжествует. Один оплакивает порядок и апеллирует к сознанию, к рассудку, другой - вносит беспорядок и черпает силы в «бессознательном». Таким образом, клоуны в цирке действуют в условиях антиномии: возвышенное предстает как художественное преодоление ужасного, а комическое - как освобождение от отвращения, вызываемого нелепым. Это могут быть номера разных жанров воздушной гимнастики, эквилибра и клоунады и потому смех выступает как нечто демиургическое, скрепляющее высокое и низкое, где верх и низ связаны между собой подвижно и диалектично, что осуществляется благодаря осознанию относительности всего сущего, т.е. представлять смех, как универсальный «аспект мира», как мотив необходимости рассмотрения в цирке философии смеха.

Трагикомичность - это и есть абсолютное действие, без которого артисту-комику никак не обойтись, без которого его существование в условиях цирка перестает быть экзистенциальным, гуманистическим. Поскольку карнавальные клоунские пародии, включающие в себя увенчания и развенчания, отрицания, одновременно возрождающие и обновляющие, то акт «снижения», в виде репризы клоуна, становятся главным художественным принципом карнавальности, циркового гротеска. При этом жизнь в антиномиях, в «пограничье» определяет характер и поведение людей-клоунов.

Все в цирке охвачено двусмысленностью, все во власти этого очистительного дождя под названием смысл. Великие «пересмешники» - цирковые клоуны всегда на виду и поэтому способны раздвигать границы сознания своим алогичным поведением, а порой и словом, сравнением и парадоксом, несущим в себе особую метку объективной реальности. Проводимые ими вольности - это метафизические скрижали бытия. Их иронию следует принимать как способ самоидентификации, как особый культурный код.

В этой ситуации значительное место отводится фону как форме выразительности. Здесь надо добавить, что культура цирка формируется в художественном цирковом пространстве. Цирковое пространство изначально задано, так как имеет свою специфическую форму. В то время как в театре художественное пространство чаще всего образовывается декорациями, которые и являются необходимым фоном происходящего действия, создающего свои предлагаемые обстоятельства. В цирке фоном для деятельности артиста чаще всего является сам зритель, иногда фоном является цирковой купол. Не во всех случаях фон есть реальность, заданная для артиста, а не искусственно созданная кем-то (аттракцион П. Маяцкого). В том и другом случае фон артиста есть одна из форм необходимого существования произведения искусства.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Искусство, 1990. С. 752.
2. Вересаев В. Живая жизнь: о Достоевском, о Льве Толстом, о Ницше. М.: Республика, 1999. С. 608.
3. Златковский М. Тема трагедии в сатирическом и изобразительном искусстве // Катарсис. СПб.: Алетей, 2007. С. 384.

УДК 35.074

Светлана Сергеевна Дмитриева (Салазникова)

Нижегородская государственная социально-педагогическая академия

ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ОСЕНЬЮ 1918 Г.[©]

Радикальные политические перемены в России в конце XX столетия вызвали повышенный интерес к событиям Гражданской войны 1918-1921 гг., выявили стремление к новому осмыслению, раскрытию всех сложностей развития государства этого периода. Необходимо объективно исследовать все альтернативы и пути разрешения кризисной ситуации, предложенные политическими силами в послереволюционный период. Создание антибольшевистских правительств на Востоке России в 1918 г. (период «демократической контрреволюции») представляло собой попытку правых сил предложить «третий» путь выхода из сложившейся ситуации, когда страна оказалась ввергнутой в тяжелейший общенациональный кризис, грозивший самому ее существованию. Однако эти попытки достаточно быстро потерпели крах. Попробуем разобраться в причинах.

Венцом этапа «демократической контрреволюции» в истории Гражданской войны на Востоке России была организация на Уфимском Государственном совещании Всероссийского правительства.

Государственное совещание в Уфе состоялось с 8 по 23 сентября 1918 г. В ходе его образовались три группировки (блока). Первая и наиболее многочисленная состояла из эсеров и их союзников: самарский КОМУЧ. Из 170 делегатов Уфимского совещания свыше 100 принадлежали к этой группе. За этой

[©] Дмитриева (Салазникова) С. С., 2011

группировкой стояла Народная армия КОМУЧа; поддержка чехословацкого корпуса и золотой запас России. Главной целью на совещании эсеры со своими союзниками считали скорейший созыв Съезда членов Всероссийского Учредительного Собрания, которому и необходимо было передать всю полноту верховной власти. До этого момента власть должна была принадлежать Директории с ограниченными законодательными правами. Противоположных позиций придерживался правый блок, возглавляемый кадетами. Правый блок был решительно против созыва Учредительного Собрания в старом составе, так как с их точки зрения выборы в него были не демократичны. Сам Съезд членов Учредительного Собрания не отвечал требованиям парламентаризма, так как имел в наличии менее 50% своего состава, и пере выборы в тот момент провести было невозможно. Правые стояли за создание сильной, авторитарной власти, в идеале единоличной, но, в крайнем случае, соглашались на Директорию из трех человек (по одному от правых и от социалистов плюс беспартийный генерал, например, С. В. Алексеев). Правые были категорически против любого контроля над Директорией со стороны каких бы то ни было представительных органов. Промежуточной, центристской позиции придерживались национал-социалисты, социал-демократы из группы «Единство», «Союз возрождения России», Временное областное правительство Урала [1, с. 21].

23 сентября 1918 г. Государственное совещание завершилось принятием Конституции Уфимской Директории. Она не удовлетворила ни одну из враждующих сторон. Так, правых не устраивал п. 1 раздела 2 о принципе будущего государственного устройства России [7, с. 70]. Этот пункт заранее predetermined федеративный принцип устройства страны, против которого так настойчиво боролись кадеты. Противоречило это и инструкциям, полученным делегацией Временного Сибирского правительства. Эти инструкции предусматривали непризнание национально-территориальных автономий Алаш - Орды, Башкирии, правительств Туркестана и Эстонии, не располагавших в то время ни территорией, ни финансами, ни военной силой.

Как писал И. И. Серебренников, представитель Омска, «окончательное соглашение было вынужденным, и потому неискренним, и таило в себе зародыш будущей борьбы, столкновений и распри» [10, с. 394]. Лидер самарских эсеров П. Д. Климушкин в неопубликованных мемуарах, написанных в Праге несколько лет спустя после рассматриваемых событий, отмечал: «...Помню, с кем бы я ни заговаривал, все были недовольны результатами работ совещания. Одни - принципиальными компромиссами, сделанными эсерами правым группам, другие - персональным составом директории, третьи - платформой работ будущего правительства и т.д., и т.д. Но каждый чем-нибудь да был недоволен. Я не помню ни одного человека, оставшегося довольным результатом совещания» [11, с. 60]. Офицерские круги и стоявшие за ними монархические группы, стремившиеся к установлению военной диктатуры, относились к Директории как к чужой и неприемлемой для них демократической власти.

Первоначально Уфимская Директория состояла из десяти человек, избранных не по партийному принципу, а персонально. В нее вошли: Н. Д. Авксентьев, Н. И. Астров, генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, П. В. Вологодский, Н. П. Чайковский и пять их заместителей: А. А. Аргунов, В. А. Виноградов, генерал от инфантерии С. В. Алексеев, В. В. Сапожников, В. М. Зензинов. Однако вместо Н. И. Астрова и Н. П. Чайковского в состав Директории вошли нерешительный, известный лишь узкому кругу членов партии кадетов В. А. Виноградов и член ЦК партии эсеров В. М. Зензинов [1, с. 21]. Кадеты были недовольны тем, что в составе Директории генерала С. В. Алексеева заменил генерал В. Г. Болдырев, более склонный к уступкам социалистов, а вместо одного социалиста в состав Директории вошло три представителя этой партии. Дело в том, что при определении состава правительства эсеры оказались под нажимом Омской делегации. Перед ними встал выбор: или срыв соглашения и борьба на два фронта - с большевиками и Сибирским правительством, или избрание Н. Д. Авксентьева и В. М. Зензинова в члены Директории, что устраивало правую часть совещания. В. М. Зензинов, член партии эсеров, ни в коем случае не мог быть заместителем Н. П. Чайковского, члена партии народных социалистов, но согласие на эту кандидатуру было последней уступкой, которую эсерам удалось вырвать у сибиряков [10, с. 398]. Известные в России политические деятели Н. И. Астров и Н. П. Чайковский так никогда и не появились ни в Уфе, ни в Омске. Н. И. Астров предпочел Директории правительство А. И. Деникина.

Таким образом, избранное в Уфе Всероссийское Временное правительство начало свою деятельность в составе следующих пяти лиц: Н. Д. Авксентьева (председатель правительства), В. Г. Болдырева (Верховный Главнокомандующий армиями), В. А. Виноградова, В. В. Сапожникова, В. М. Зензинова. В партийном отношении это означало, что в состав правительства вошли два представителя партии эсеров, один кадет, двое беспартийных, член Союза Возрождения России. Отметим, что эта группа людей, не вызвала широкого признания и в левых, ни в консервативных кругах. С самого начала работы новое правительство показало отсутствие твердой политической линии.

В соответствии с постановлением «О Временном Всероссийском правительстве» высшая власть передавалась Временному Всероссийскому правительству. Власть эта должна была осуществляться через министров и главнокомандующих, назначаемых и смещаемых указами Временного Всероссийского правительства и ответственных перед ним. «Законодательная власть принадлежит Временному Всероссийскому правительству в целом его составе» [3].

Более формально-конституционный характер носила не сама «Конституция» Уфимской Директории, а два документа, принятые уже после Уфимского совещания. Первый из них - Положение о Съезде членов Всероссийского Учредительного Собрания - был принят 27 сентября 1918 г. В параграфе 2 говорится, в частности, что «Съезд членов Всероссийского Учредительного собрания является постоянно действующим

государственно-правовым учреждением. Съезд действует в своей компетенции самостоятельно, независимо от временного правительства и его органов» [6, с. 84]. В данном параграфе исторического документа ничего не говорится о приоритете Съезда над Директорией, а лишь о приоритете всего Учредительного Собрания, сроки созыва которого не определяются. По мнению юристов кадетов в Положении о Съезде, содержался пункт, грозивший впоследствии конституционным кризисом. Так, ни Съезд не имел права распустить или изменить состав Директории, ни последняя не имела права роспуска Съезда. Однако конструкция государственной власти, согласно которой рядом с Временным Всероссийским правительством действует совершенно самостоятельно Съезд членов со всеми функциями государственной власти, хотя и в очень ограниченной сфере, явно страдала существенным недостатком двоевластия, и как бы узка ни была сфера компетенции Съезда, понятие единой и сильной власти не допускало такого сосуществования.

Согласно пункту 5 «Положения» кворум для Съезда членов Всероссийского Учредительного Собрания составлял 250 депутатов, которые должны были собраться к 1 января 1919 г. Если этого количества собрать не удастся, то сроки Съезда передвигались на 1 февраля 1919 г. при кворуме 170 депутатов [9, с. 34]. Однако и этот кворум был очень высоким для тех условий, в которых он должен был выполняться. Одних депутатов уже не было в живых, некоторые находились в эмиграции. Наконец, многие депутаты и не собирались являться на Съезд по политическим мотивам. Таким образом, кворум в 250 человек был мало реален. В лучшем случае могло собраться не более 100-120 человек.

Сразу после образования перед Директорией возникли вопросы, требовавшие немедленного решения: создание правительственного аппарата - министерского кабинета; определение постоянного ее местопребывания, обеспечение политической и военной поддержки со стороны союзников, без которой она не могла существовать, так как собственных вооруженных сил не имела. Столь же неотложным для Директории было и решение вопроса о судьбе областных правительств, поскольку единение между ними и после образования новой власти достигнуто не было. Первые недели своего существования Директория была целиком занята решением указанных вопросов [11, с. 58].

При определении местопребывания Директории назывались три города: Екатеринбург, Омск и Уфа. С переездом Директории в Екатеринбург достигалось бы единство так необходимое для демократии управления освобожденной территории. «Учредилловцы» предлагали Уфу, представители Сибири, соответственно, Омск. На совещании фракции эсеров одобрение получила Уфа как город, сравнительно отдаленный от сибирских монархистов, центр «демократических» сил контрреволюции. Среди эсеров жила надежда, что под руководством Директории все многочисленные правительства будут действовать согласованно и наступление большевиков будет остановлено быстро [Там же, с. 59]. Первоначальным местом пребывания Директории был определен Екатеринбург, и представитель Уральского областного правительства кадет Л. А. Кроль спешно покинул Уфимское Государственное совещание для подготовки резиденции правительства, прибытие членов которого было намечено на 5 октября 1918 г. Встречать правительственную делегацию на екатеринбургском вокзале должны были все члены Временного областного правительства Урала. Особым распоряжением правительства Урала «в торжественный день прибытия» Временного Всероссийского правительства в город Екатеринбург отменялись работы во всех государственных, общественных и частных учреждениях [5]. Однако Директория неожиданно для многих переменила свое решение и переехала в Омск, «прямо в пасть к сибирской реакции» [4].

После переезда в Омск Директория погрязла в политических интригах и в борьбе с Временным Сибирским правительством за министерские портфели. На одной и той же территории расположились два правительства: Временное Всероссийское правительство еще только собиравшееся управлять этой территорией, и правившее Временное Сибирское правительство, не собиравшееся власть уступать.

Из-за того, что с ноября 1918 г. в Омске сосуществовало два правительства, сложилась довольно парадоксальная ситуация в структуре центрального управления. Так, два министра народного просвещения и министр внутренних дел В. В. Сапожников и С. С. Старынкевич оказались общими у обоих правительств. В Омске находилось два министра юстиции. Неизвестно было, куда нужно направлять корреспонденцию по делам этого министерства. Ситуация грозила стать еще более запутанной [11, с. 416]. Обе противоборствующие стороны стали искать выход из двоевластия. В результате бурных обсуждений было решено: Временное Сибирское правительство прекращает свое существование, избирается Совет министров, подотчетный Директории, но его формирование осуществляется совместно Директорией и Сибирским правительством.

Формирование Совета Министров, порученное П. В. Вологодскому, продолжалось почти пятнадцать дней, сопровождаясь бесконечными трениями, разногласиями и интригами. В. М. Зензинов (активный участник событий) 13 октября 1918 г. сделал следующую запись: «началась глухая борьба с Административным Советом, фактически превратившемся в высший орган власти в Омске. Сибиряки решили взять измором членов Директории и, захватив фактически всероссийскую власть, превратить нас в декорацию» [2, с. 265]. Упорство обеих сторон было проявлено исключительное. Борьба грозила распадом всероссийской власти. Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов даже собирались выйти из состава Директории.

Когда процесс формирования правительственного аппарата завершился, оказалось, что все ключевые посты в нем заняты сибиряками. Десять из четырнадцати членов Совета Министров, вновь утвержденного Директорией, принадлежали к Временному Сибирскому правительству.

Кратковременный характер новой власти подчеркивался тем, что Директория должна была сложить свои полномочия с началом работы Учредительного собрания 1 января или 1 февраля 1919 г.

По грамоте Временного Всероссийского правительства от 4 ноября 1918 г. все областные правительства и представительные учреждения должны были прекратить существование. Последние лишались прежней власти лишь частично. Аппарат управления ликвидируемых правительств оставался действовать, но подчинялся отныне центральному правительству.

Директория, упразднив областные правительства, могла, казалось свободно начать осуществлять программу, альтернативную большевистской. Однако члены Директории, очутившись в раскаленной атмосфере омской реакции, оказались без всякой поддержки. Едва возникнув, Директория обратилась за помощью к США. Союзники же не спешили помогать новому государственному организму антибольшевистских сил на Востоке России. Директории дали понять, что она может рассчитывать на помощь только в том случае, если станет правительством, обладающим реальной силой и властью.

Вооруженные силы Востока России были слабы по своему боевому составу. И везде были свои главнокомандующие, командующие фронтами, армиями, огромные неуправляемые штабы. Чехи были настоящими хозяевами положения и в Сибири, и на Волге. Формально подчиняясь В. Г. Болдыреву, они выполняли приказы представителей командования Франции и Англии. Пользуясь правом сильного, чехи широко прибегали к поборам и реквизициям среди мирного населения. Это вызвало ненависть к чужеземцам-насильникам и недоверие к власти, опирающейся на иностранные штыки [11, с. 56]. Правительство Англии и Франции формально не отказавшись от поддержки Директории выжидали, кто возьмет верх в лагере контрреволюции.

Вскоре наметился раскол внутри самой Директории. Возникли две группировки. Одну составляли правые эсеры Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, потерявшие всякую самостоятельность и способность к сопротивлению, другую - сибиряки: глава сибирской реакции монархист П. В. Вологодский, генерал В. А. Виноградов, генерал В. Г. Болдырев. Последний потребовал немедленного удаления эсеров с ответственных должностей и поднял вопрос об аресте В. М. Чернова (лидер эсеров). Сторонник Учредительного Собрания командующий фронтом генерал С. Чечек был отозван из Уфы. На его место назначен генерал С. Н. Войцеховский.

В октябре 1918 г. в Уфу прибыл английский, французский и американский отряды, учредилорцы приписали этот факт влиянию Директории и восприняли его как доказательство реальной помощи союзников «демократии». Между тем эта помощь была направлена совсем по другому адресу - к тому времени союзники уже твердо ориентировались на военную диктатуру [1, с. 27-28].

Толки о военной диктатуре к описываемому времени становились злобою дня особенно настойчиво пропагандировали идею диктатуры кадетские и торгово-промышленные круги. В организациях партии народной свободы тема о диктатуре дебатировалась совершенно открыто.

Как напишет в своих воспоминаниях И. И. Серебренников, бывший министром снабжения Временного Сибирского правительства, идею о диктатуре «можно было проследить до Москвы, она, что называется, висела в воздухе; но то обстоятельство, что и в Москве также выдвигают диктатуру, могло только подкреплять и усиливать местные настроения» [10, с. 428].

Центром заговора стала фигура адмирала А. В. Колчака, приглашенного Директорией на пост военного министра с целью укрепления ее позиций в армии.

Бескровный переворот в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. произошел скорее из-за равнодушия и разочарования народа. Как сказал один омский рабочий, «что Директория, что Колчак - один черт. Станем мы из-за Авксентьева голову ломать» [8, с. 29].

Достигнутое в Уфе соглашение предполагало компромиссный вариант, получивший свое выражение в образовании Верховной Всероссийской власти в лице Временного Всероссийского правительства (Директории) и признании Учредительного Собрания прежнего созыва. Политическая и социально-экономическая несостоятельность правительства «демократической контрреволюции» на Урале, а также политическое и военное банкротство КОМУЧа в сложившейся системе имело следствием раскол в антибольшевистском движении Востока России. Так, в плане расклада политических сил это привело к выделению в составе Директории постепенно терявшей самостоятельность «левой» и быстро набравшей силу «правой» группировок. В плане организации системы власти это означало установление фактической зависимости Директории от правительственных и военных структур Временного Сибирского правительства. Наконец, в политическом плане это имело следствием утрату партией социалистов-революционеров роли основной политической силы антибольшевистского движения. Умеренно-демократическая по составу Директория превратилась в декоративный орган, созданный в результате вынужденного компромисса между теряющими свои позиции силами «демократической контрреволюции» и укрепляющейся силами правой ориентации. В конечном счете, она оказалась лишенной возможностей к дальнейшей эволюции и, выявив свою несостоятельность, была заменена режимом военной диктатуры.

Список литературы

1. Гармиза В. В. Директория и Колчак // Вопросы истории. 1976. № 10.
2. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: впечатления и мысли члена Омского правительства. Харбин: Общество возрождения, 1921. 302 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 192. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.
4. Там же. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 280. Л. 363.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1951. Оп. 1. Д. 3. Л. 59.

6. **Кожевников В. А.** Государственное устройство России в планах антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока (октябрь 1917 - март 1920 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2000. 265 с.
7. **Конституция Уфимской Директории:** акт об образовании всероссийской верховной власти // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1923. Т. 12. 190 с.
8. **Майский И. М.** Демократическая контрреволюция. М.: Госиздат, 1923. 202 с.
9. **Россия антибольшевистская: из белогвардейских архивов.** М.: Наука, 1995. 443 с.
10. **Серебrenников И. И.** Гражданская война в России. М.: АСТ; Ермак, 2003. 704 с.
11. **Трукан Г. А.** Антибольшевистские правительства России. М.: Институт российской истории РАН, 2000. 136 с.

УДК 93

Ришат Радикович Калимуллин

Новомалыклинская средняя общеобразовательная школа

им. Героя Советского Союза М. С. Чернова Ульяновской области

СССР НА ПУТИ К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ: К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1950-1980-Е ГОДЫ[©]

В настоящее время можно говорить о двух взаимосвязанных процессах, которые, так или иначе, касаются всех стран. Это становление постиндустриального или информационного общества и происходящая на этой основе глобализация. Подавляющее большинство исследователей, говоря о постиндустриальном обществе, выдвигают на первый план научно-технические характеристики. Именно современная научно-техническая революция, которая продолжается уже больше пяти десятилетий, способствовала глобализации.

Для того чтобы органично войти в формирующееся постиндустриальное общество представляется чрезвычайно важным найти своё место в этом процессе которое бы соответствовало возможностям научно-технического потенциала государства. Пока тон в мировой экономике и её глобализации задают ведущие индустриальные страны, и получают от этого немалую выгоду. Среди них лидируют США и Япония, вслед за ними идут наиболее развитые государства Евросоюза. Остальные страны должны активно включиться в гонку за лидерами. В противном случае они рискуют превратиться в рынки сбыта и источники сырья для технологически развитых держав.

Всё вышесказанное имеет непосредственное отношение к Российской Федерации. В современных условиях ослабленной отечественной экономике очень трудно конкурировать на мировых рынках с более развитыми странами. До сих пор российская экономика продолжает быть рентной, а не производительной. Для возвращения нашей страны в ряды ведущих мировых держав требуется развитие отечественной экономики на основе активного использования новейших достижений научно-технического прогресса, что, в свою очередь, потребует от государства проведение эффективной политики по развитию научно-технического потенциала страны. В своем послании Федеральному собранию в 2009 году президент РФ Д. А. Медведев определил ключевой задачей всестороннюю модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы государства. Это возможно лишь на основе возрождения высокотехнологического комплекса, который определяет экономический рост и подтягивает за собой все отрасли производства.

На пути к поставленной цели имеет смысл использовать все достижения отечественной и мировой практики. В связи с этим большое значение приобретает анализ проводимой политики по развитию научно-технического потенциала в СССР.

Теория постиндустриального общества родилась в США - на рубеже пятидесятых-шестидесятых годов американский социолог Даниел Белл широко использовал ее в своих лекциях для характеристики нового этапа американского капитализма. Отличительными чертами постиндустриального общества назывались массовое распространение творческого, интеллектуального труда, качественно возросший объем и значение научного знания и информации, развитие средств коммуникации, преобладание в структуре экономики сферы услуг, науки, образования, культуры над промышленностью и сельским хозяйством. Постиндустриальное общество начинает рассматриваться как качественно новая ступень развития не только Запада, но и всего человечества [1, с. 52].

Теория научно-технической революции (НТР) явилась своеобразным ответом советской идеологии на происходившее на Западе становление постиндустриального общества. Смысл ее заключался в том, чтобы сосредоточить все внимание на научных, технико-экономических и технологических достижениях мировой экономики, полностью игнорируя социально-экономические факторы, породившие эти достижения, а также социально-экономические последствия внедрения этих достижений в народное хозяйство. Теория НТР, опиравшаяся на труды К. Маркса и В. И. Ленина, а также исторический опыт 1920-х годов и сохранявшая ведущую роль за рабочим классом, уводила далеко в сторону от реального экономического развития последних десятилетий XX в. Еще один недостаток теории НТР заключался в следующем. Если на Западе